

Хуа Чжаошуй сжал губы, думая про себя, что раз уж не избежать, то лучше просто подчиниться. Он медленно расслабил ноги, но, как только пошевелился, почувствовал, что что-то тянет его вниз, и инстинктивно дернулся.

Шэн Цзяньвэй схватил его за ногу и спросил:

— Что ты делаешь?

Хуа Чжаошуй попытался сесть, чтобы посмотреть на свою ногу, и сказал:

— Кажется, что-то обвилось вокруг меня...

Он только сел, как увидел у изножья кровати толстую красную веревку, но не успел подумать об этом, как его снова положили на спину, и на его шее начали появляться легкие поцелуи.

Но он все больше чувствовал, что что-то не так, и стал уверен, что на его щиколотке точно что-то есть. Он набрался смелости, чтобы оттолкнуть молодого господина, и сам отодвинулся назад. Свернувшись калачиком, он оперся на руки, чтобы посмотреть, что же там на самом деле.

Хуа Чжаошуй увидел, что то, что лежало в углу, теперь обвилось вокруг его щиколотки, и на мгновение его сознание стало пустым. Затем он закричал, как безумный, пытаясь сбросить это с себя.

Шэн Цзяньвэй схватил его за плечи, притянул к себе и, терпеливо прижав палец к его губам, сказал:

— Ну, ну, что ты кричишь? Она мягкая, не причинит тебе боли.

Взгляд Хуа Чжаошуй сменился с недоверия на ужас, и его голос прервался. Он схватил его за руку и с мольбой сказал:

— Молодой господин, зачем вы это сделали... снимите это, я не хочу...

Шэн Цзяньвэй вытер его слезы и сказал:

— Все в порядке, я не буду тебя мучить. Почему ты так боишься?

Хуа Чжаошуй был на грани безумия, он отчаянно сопротивлялся, дергая и пиная ногой, не желая больше слушать его, в голове была только одна мысль: мне нужно уйти.

Шэн Цзяньвэй, раздраженный его сопротивлением, крепко обхватил его руками, прижал ногой его дергающуюся ногу и, укусив за ухо, раздраженно сказал:

— В чем дело? Тебе так не хочется быть со мной? Ты позволяешь другим приставать к тебе, а я тебе не подхожу?

Хуа Чжаошуй не мог вырваться, запрокинул голову и тяжело дышал. Впервые он заговорил с ним с нотками враждебности:

— Я ведь не продал себя тебе!

Шэн Цзяньвэй укусил его за шею, и, услышав его болезненный крик, отпустил.

— Это легко исправить. Если ты так хочешь продать себя мне, завтра я куплю тебя у твоего хозяина. Тебе это понравится?

Хуа Чжаошуй лежал на его плече, не двигаясь и не издавая звуков. Через некоторое время Шэн Цзяньвэй почувствовал, что его плечо стало мокрым, и, повернув его лицо, увидел, что он плачет.

Хуа Чжаошуй говорил слабым голосом, снова пытаясь договориться:

— Молодой господин, вам не нужно так поступать, я и так буду слушаться. Я ведь уже сказал, что буду слушаться.

Он закрыл глаза и добавил:

— Вы хотите довести меня до смерти?

Хуа Чжаошуй раньше знал, что у молодого господина странный характер, но не ожидал, что он окажется одержимым сумасшедшим.

Красная веревка на его ноге была не обычной пеньковой веревкой, а чем-то пропитанной, невероятно гибкой. Он разбил чайную чашку, пытаясь обрезать веревку осколками, но веревка даже не поцарапалась, зато он поранил руку до крови.

Он был измотан, ладонь болела, и, казалось, виски пульсировали от напряжения. Он беспомощно сидел в углу.

Шэн Цзяньвэй, войдя, увидел осколки на полу и его, сидящего у стены, в окровавленной одежде, и, подумав, что он действительно покончил с собой, впервые показал испуг. Он бросился к нему и, коснувшись его, увидел, как тот болезненно отстранился, и сразу же облегченно вздохнул.

Шэн Цзяньвэй поднял его и понес к кровати, говоря:

— Что ты наделал? Как ты так себя изувечил?

Хуа Чжаошуй слабо хмыкнул, отвернувшись и не отвечая.

Шэн Цзяньвэй посадил его на кровать и, присев рядом, начал обрабатывать рану, слыша, как он вздыхает от боли, и, не поднимая головы, сказал:

— Ты же боишься боли? Зачем тогда резал себя?

Лежащий на кровати не реагировал, и Шэн Цзяньвэй не стал настаивать. Увидев, что он босиком, он взял его за щиколотку, чтобы проверить, нет ли других порезов. Но как только он коснулся его, человек на кровати резко дернулся, отодвинулся назад и с подозрением смотрел на него.

— Я не буду тебя трогать, подойди, я хочу проверить, нет ли других ран. — Шэн Цзяньвэй не злился и не пытался силой притянуть его к себе, говоря с необычным терпением.

Виной всему было то, что вчера он слишком сильно напугал Хуа Чжаошуй. С тех пор, как тот обнаружил веревку на своей ноге, он больше не хотел его слушать, то впадая в истерику, то умоляя. Шэн Цзяньвэй, потеряв терпение, связал ему и руки, и ноги.

Хуа Чжаошуй кричал, пока голос не охрип, сначала сопротивлялся, а потом только умолял. Но Шэн Цзяньвэй, разозленный, зажал ему рот, наблюдая, как он дрожит и плачет.

Все это было слишком жестоко, и, испуганный и измученный, Хуа Чжаошуй к утру начал бредить от высокой температуры. Шэн Цзяньвэй поспешно вызвал врача, только что проводил его и, вернувшись, увидел его сидящим на полу с окровавленной рукой.

Возможно, из-за его болезни Шэн Цзяньвэй стал мягче, во всем уступая ему.

Если бы не веревка на ноге и не боль, которую он причинил, Хуа Чжаошуй мог бы подумать, что этот человек — настоящий добряк.

Шэн Цзяньвэй ласково уговаривал его подойти, повторяя, что хочет только проверить рану, но Хуа Чжаошуй, напуганный, свернулся в углу и не хотел слушать, не делая ни шага.

Они долго стояли в напряжении, пока слуга не постучал в дверь и не сказал:

— Молодой господин, каша готова, принести ее?

Хуа Чжаошуй уткнулся лицом в колени, его раненная рука была обмотана белой повязкой, и виднелась только макушка его головы.

Шэн Цзяньвэй взглянул на него, встал, открыл дверь, взял поднос и, не пуская слугу внутрь, прогнал его.

Шэн Цзяньвэй сел на кровать, поставил кашу рядом и, не уговаривая, просто поднял его и посадил ближе, чтобы покормить.

Хуа Чжаошуй упорно отказывался смотреть на него, его щеки и глаза были красными от слез.

Шэн Цзяньвэй обнял его, взял кашу и сказал:

— Ты ведь любишь рисовую кашу с крабовым мясом? Я велел приготовить тебе целую миску с двумя большими крабами. Ну, поешь немного.

Хуа Чжаошуй посмотрел на миску, потом на него, и вдруг снова заплакал.

— Молодой господин, не делайте этого со мной, отпустите меня... Если вы хотите, чтобы я вернулся в Дом Шэн, я вернусь, хорошо?

Шэн Цзяньвэй не сказал ни да, ни нет, просто поднес ложку к его губам.

— Сначала поешь.

Хуа Чжаошуй послушался и начал есть, слезы капали в миску. Он съел половину и больше не мог, облокотился на его плечо и застыл на мгновение, прежде чем снова посмотреть на него.

— Молодой господин, можно... можно развязать меня?

Шэн Цзяньвэй поставил миску, погладил его по голове и сказал:

— Тебе так нравится в этой труппе?

— Молодой господин, я этому учился, я живу своим голосом, у меня нет выбора. — Хуа

Чжаошуй, казалось, увидел проблеск надежды и больше не сопротивлялся, снова смягчился.

— А когда тебя трогают клиенты, это тоже часть твоей работы?

Его слова звучали резко, и Хуа Чжаошуй замер на мгновение, прежде чем снова заплакать, и его голос невольно поднялся.

— Я ведь не хочу этого! Хозяин не смеет обижать клиентов, а я разве могу? Молодой господин, вы с рождения окружены заботой, вы не знаете, как таким низким актерам, как я, приходится выживать!

Шэн Цзяньвэй, видя, что он действительно разозлился, на мгновение замолчал. Но молодой господин из семьи Шэн с детства не извинялся, и теперь, пытаясь исправить ситуацию, он лишь сказал:

— Если бы ты остался со мной, кто бы осмелился тебя тронуть? Ты сам убежал, а теперь на меня злишься.

Хуа Чжаошуй явно хотел что-то сказать, но дыхание прервалось, и он начал сильно кашлять, его худые плечи дрожали, и только через некоторое время он успокоился.

<http://bllate.org/book/16756/1562926>